

Владимир ГУСЕВ:

Известия, - 2000г. - 25 апреля, - с. 10

Русского искусства на Западе не знают

Государственный Русский музей имеет репутацию одного из немногих учреждений культуры, успешно адаптировавшихся к нынешним реалиям. Здесь научились работать с искусством на коммерческой основе. В ситуации, когда мы становимся время от времени свидетелями скандалов, вызванных то ли юридической некомпетентностью музейных менеджеров, то ли элементарной их недобросовестностью, чрезвычайно полезным представляется опыт Русского музея. Его директор Владимир Гусев вместе со своими сотрудниками готовит несколько выставок для показа за рубежом. И ждет визита аудиторов Счетной палаты.

— Свобода контактов нищенствующих музеев России с западными коммерческими структурами, делающими бизнес на искусстве, приводит к плачевным последствиям. О некоторых из них «Известия» уже писали...

— Процедура вывоза отнюдь не так проста, как может показаться на первый взгляд, и ни одна вещь не отправляется за границу без множества разрешений. Поиск партнеров — особая статья, и здесь случаются серьезные ошибки. Но это не означает, что нужно «запретить» все международные контакты. Если мы хотим, чтобы русское искусство знали, нужно его вывозить и показывать.

— Сейчас в моде точка зрения, будто российское изобразительное искусство там никому не нужно, что оно интересно лишь узкому кругу ценителей, причем интерес этот во многом обусловлен политической конъюнктурой...

— 80 лет изоляции привели к тому, что за рубежом знают лишь Кандинского, Малевича и Шагала, в лучшем случае имеют смутное представление о существовании «какой-то русской иконы». Русское искусство действительно не знают. Американцы вообще знают, что есть импрессионизм. И все. Мы сейчас готовим выставку «Русский импрессионизм». Действительно, русское искусство когда-то шло вслед за Западом, но уже на рубеже веков стало «законодателем мод». Вот только после 1917 года мы стали невыездными, и никто в мире практически ничего об этом не знал — все решала партия. Отсюда и стереотип о вторичности изобразительного искусства России, о его отставании. Этот стереотип можно разрушить только в буквальном

смысле выставляясь напоказ. И интерес к России нужно воспитывать тем же способом.

— Но если выставка едет за счет принимающей стороны — а это для наших бедствующих музеев явление распространенное, — значит, «музыку заказывает» тот, кто платит. И вы лишаетесь права выбора уже не по идеологическим мотивам, но по коммерческим...

— Увы, это правда. Попробуйте их уговорить посмотреть то, чего они не знают! Не Кандинского, скажем, или Малевича, а «Русский портрет XVIII века» — не хотят! Но теперь уже стало легче — нам поверили, некое предубеждение, слава богу, исчезает. В Бонне, в Кунст-Халле, в серии выставок «Крупнейшие музеи мира» Русский был вторым — после Итальянского музея археологии. Наша экспозиция, посвященная тысячелетней истории отечественного изобразительного искусства, была сенсацией. Сейчас готовимся к выставке «Жизнь Христа в изобразительном искусстве», которая откроется в Сан-Марино к юбилею христианства. Чуть раньше новый выставочный комплекс там открылся нашей выставкой «Неизвестные сокровища России». Политический конъюнктурный спрос на искусство соцарта заканчивается, авангардом «наелись» тоже.

— Недавно Эрмитаж получил «выговор» от Счетной палаты за то, что не от всех выставок музеев имел прибыли. Счетная палата вскоре посетит и вас. Не опасаетесь аналогичных нареканий?

— Первый выговор, который я получил, став на заре перестройки директором Русского музея, — за «торговлю искусством»: как раз за то, что стали получать

Директор Русского музея Владимир Гусев

финансовую компенсацию за зарубежные выставки. Теперь все наоборот — упрекают за упущенную прибыль. Искусство может и должно в какой-то мере оправдывать свое существование — мы только из-за инертности этого не понимали. Благодаря выставочной работе мы получили средства на реставрацию наших зданий, на издательскую деятельность, которая, в свою очередь, приносит прибыль. Но нельзя же возводить коммерческую деятельность в абсолют! Есть обменные выставки, есть некоммерческий показ... Проверка — не-

приятная, но неизбежная часть музейной жизни; и относиться к ней нужно адекватно.

— Это как?

— С вниманием, но без испуга. Вот только поднимать шум с привлечением прессы, не выяснив все до конца, неразумно. Дело не в том, что есть «неприкасаемые зоны» и во имя чистоты мундира нужно замалчивать неприятности. Вопрос в другом: моральный ущерб, дискредитация порой стоят существенно дороже, нежели необнаруженные вещи. Кстати, публичность проверок совпадает с политиче-

ский компромат, удобнее всего сразу по поводу и без устроить публичный «показательный процесс».

— Вы проводите приемы и банкеты в залах Русского музея, что вызывает неоднозначную реакцию ценителей искусства. Ужиная на фоне «Последнего дня Помпеи», народ не теряет аппетит?

— В Брюлловском зале мы стараемся никаких приемов не проводить. В прошлом году провели один — новогодний, за что получили несколько десятков тысяч долларов. В тот период государственное финансирование нашего музея было осуществлено на ноль процентов. Здесь все замирало. Русскому музею принадлежат четыре дворца, и мы предоставляем помещения для приемов там — это танцевальный зал Строгановского дворца, Мраморный зал Мраморного, есть залы и в Инженерном замке. Разумеется, полная безопасность вещей обеспечивается нами. Приемы в музеях — вовсе не нонсенс, а мировая практика. В нашей же ситуации это необходимо для выживания. Создано Общество друзей Русского музея, члены которого, уплачивая годовые взносы, получают право по договоренности с дирекцией Русского музея организовать прием у нас. Это тоже форма внебюджетного финансирования.

— Русский музей разработал план развития на 10 лет. Что планируется сделать в предстоящие две пятилетки?

— Это никакая не маниловщина, а реальная стратегия. Сейчас у нас 9 направлений деятельности: дворцы и сады Русского музея, безопасность и надежность хранения, музейная педагогика, виртуальный мир Русского музея и т.д. У нас работает республиканский центр детского творчества, по методическим разработкам которого занимаются в 30 регионах. Здесь проводится ликбез отнюдь не только для детей, но и для учителей... Мы будем стараться получать деньги под реализацию конкретных программ, а не абстрактно «на что-нибудь».

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург